

НГ - Сценарии 26.09.2017 г.

http://www.ng.ru/stsenarii/2017-09-26/13_7081_zakon.html

Закон прибавочной справедливости

О некоторых невыученных уроках Великого Октября

Руслан Гринберг

Об авторе: Руслан Семенович Гринберг – вице-президент ВЭО России, научный руководитель Института экономики РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор.

Сто лет назад в России произошли экстраординарные события. Меня всегда охватывает некоторое волнение, когда я попадаю в тот зал, где заседали только что выбранные члены Учредительного собрания, призванные определить судьбу страны, погрузившейся в хаос после демократической революции в феврале 1917 года. Они, конечно, думали и спорили о том, как спасти свою замечательную Родину, и надеялись на то, что свежеиспеченные демократические институты утвердятся в стране, где происходит возведение нового государства уже в форме республики. Но, как всем известно, «караул устал», и жизнь пошла совсем по другому пути.

Почему случилось именно так? Как оценивать революцию 1917 года? Увы, нет пока даже попыток мыслящих людей каким-то образом найти точки соприкосновения в оценке того, что произошло в октябре 1917 года. Интеллектуальная элита страны выделяет две всегда противоположные точки зрения на те дни, которые потрясли мир.

Одни уверяют, что в результате Октября начался золотой век России, а ее мессианская роль выдающаяся, если иметь в виду, что так или иначе по пути страны, ставшей Советским Союзом, впоследствии (во второй половине 40-х годов прошлого века) пошла добрая треть человечества. Нашу страну, Советский Союз, будто бы не только боялись, но и уважали.

Другие возражают, рассматривая Октябрь как чистый переворот и сплошное преступление группы радикалов во главе с Владимиром Лениным. Будто бы он по согласованию с немецким командованием захватил власть у народа, который только что начал вершить «экономическое чудо». Отсюда их призыв объявить весь советский период сплошным мраком, провести декоммунизацию, и тогда страна пойдет правильным европейским путем.

В общем, Гражданская война в головах современных россиян не закончилась, и, к сожалению, нет оснований утверждать, что в оценке тех событий в ближайшее время будет найден консенсус. Это первый невыученный урок, на который я хотел бы обратить внимание.

Вместе с тем русская революция и последующий советский проект это такой грандиозный и противоречивый феномен, что здесь вряд ли можно надеяться на какое-либо согласованное мнение. Рассказывают, что известный французский литератор Жан-Поль Сартр как-то спросил одного из китайских лидеров Чжоу Эньлая: «Как вы оцениваете Великую французскую революцию?» Тот, не задумываясь, ответил: «Еще пока рано об этом говорить». Похоже, то же относится и к Октябрьской революции. Тем не менее я постараюсь изложить свое представление о том, какое значение она имела для города и мира.

Прежде всего я согласен с теми, кто считает, что Февраль и Октябрь нужно рассматривать как единый революционный процесс с 1917 по 1921 год, то есть до окончания Гражданской войны. По моему разумению, весь этот отрезок времени нужно назвать Великой русской революцией.

Теперь о том, что дал и отнял Октябрь применительно к отечеству и остальному миру. Сначала о мире. Практически не оспаривается тезис о том, что российский порыв к справедливости оказал серьезное влияние на социальную политику стран классического капитализма. То есть установка на равенство, которую декларировала Октябрьская революция, быстро приобрела европейскую, если не всемирную популярность. Не случайно интеллектуалы, самые проникательные люди Запада, с большим интересом приезжали в советскую Россию, зная о репрессиях, которые там начались. Для них было очень важно наблюдать, как проводится невиданный социальный эксперимент.

В сущности, это была попытка создания счастья для всех, потому что до Октябрьской революции не было ничего подобного в практике государств. Значит, социальность – первое благо, которое принесла Октябрьская революция.

Второе. Подрыв и уничтожение колониальной системы – тоже результат существования СССР и его попытки обеспечить равноправие всех народов. В конце концов колониализм умер благодаря существованию и борьбе Советского Союза против колониализма.

Третье. Внедрение цивилизационных институтов и цивилизационных форм жизни в Центральной Азии. Практически безвозмездно СССР осуществил грандиозную цивилизационную миссию в этом ранее абсолютно отсталом регионе и превратил его в несколько экономически приличных государств с весьма развитым для того времени образованием, здравоохранением, наукой и культурой.

Четвертое. Китай. Сегодня он все больше будет определять повестку жизни человечества в целом. В этом нет никаких сомнений. И мне кажется, что подчеркнутое почтение нового президента США к Владимиру Путину во многом определяется тем, что Трамп хотел бы иметь Россию в качестве партнера, хоть и младшего, в возможной конфронтации с растущим Китаем. Напомню очень важный факт: СССР практически безвозмездно создал материально-техническую базу экономики Китая в 50-е годы, что, конечно, тоже удивительное достижение Советского Союза.

Но вместе с тем я должен признаться, что не испытываю особой ностальгии по СССР, которая сегодня достаточно широко распространена в стране. Хотя я категорически против тезиса о неререформируемости Советского государства.

Всегда надо помнить о миллионах невинных человеческих жертв сталинских репрессий, которые стали возможными именно потому, что в октябре 1917 года страна жаждала справедливости, получила ее в каком-то виде, но полностью отказалась от свободы, которую дал Февраль. Этот отказ от демократических институтов повлек за собой монополию на власть вечно правящей партии и диктатуру одной личности, злодеяния которой оказались настолько ужасными, что не могут быть оправданы никакими успехами в модернизации страны. Сегодняшний ренессанс уважения к Сталину это одновременно и позор, и проблема для страны. И дело здесь не только в том, что «люди творят себе кумира». Обожание серийного мегаубийцы это еще и осязаемое выражение провала так называемых либеральных реформ, приведших к массовой бедности россиян, опрометчиво поверивших в благотворящую миссию свободного рынка. Разве это не урок революции?

Теперь о других невыученных уроках. Как известно, российская интеллигенция страдает некими пороками, которые не удалось изжить за эти 100 лет, и сегодня наши экономические и социальные беды можно связывать исключительно с этими, можно сказать, генетическими особенностями. Одна из них – онтологизация теоретических схем.

На простом языке это означает, что мы свято верим во всемогущество теории и, если представляется такая возможность, пытаемся внедрить ее в жизнь, несмотря на сопротивление несогласных с ней. Я это называю принуждением к счастью. В сущности, речь идет о том, что в 1917 году мы взяли курс на справедливость. Тогда вся планета была беременна спросом на справедливость, и ужасающая капиталистическая действительность того времени требовала ее. Россия и совершила скачок к этой справедливости, полностью, повторяю, проигнорировав свободу, хотя марксизм уже претерпел к тому времени заметную эволюцию. Все большее влияние получали в начале XX века его отдельные течения, указывавшие на возможность мирного вращивания капитализма в социализм. Но у нас, как правило, побеждают крайности. Вот и в данном случае в октябре 1917 года победила крайне левая доктрина в мировоззренческом арсенале Запада, воплотившись в России в форме отвергающего коммерческие отношения военного коммунизма.

Нечто подобное произошло и в начале 90-х, когда после 70 лет коллективного молчания мы, получив свободу практически из рук одного человека, ошибочно решили, что она и есть справедливость, и восприняли ее как необходимое и достаточное условие сытой и цивилизованной жизни, по-ребячески уверовав в то, что колбаса вырастает прямо из свободы. Это, конечно, было большой ошибкой, ставшей следствием до сих пор не изжитой склонности к онтологизации теоретической схемы.

Не можем мы до сих пор избавиться и от нетерпения в русском демократическом движении, которое берет начало еще от народовольцев, а отчасти и от декабристов. Нам кажется, что справедливое общество можно создать одним махом. Нетерпение, связанное с тем, что хочется власть побыстрее взять, будь то штурм Зимнего дворца или ельцинская шоковая терапия внедрившегося радикального либерализма.

Нельзя не сказать и об абсолютно ненормальном отношении к Западу, которое можно кратко охарактеризовать как смесь комплекса неполноценности и мании величия. Сплошь и рядом россияне воспринимают Запад только в черно-белом формате или в бинарной логике «любовь–ненависть». Непредвзятое сбалансированное деловое отношение к нему редкость. Мы, например, в конце 80-х безоговорочно принимали все рекомендации, которые давал Запад, причем выполняли то, что они говорят, а не то, что они делают, хотя между первым и вторым была большая разница. Наш капитализм оказался особенно зверским, поскольку принял установку на демонтаж всего того социального, что было при советской власти.

Казалось, что самодеятельность народа приведет к цивилизованному развитию общества, на самом деле она вылилась в простой хаос, а в результате народ через некоторое время после начала очередной смуты устал от свободы и предъявил спрос на «закон и порядок» порядка. И как бы ни относиться к Владимиру Путину, здесь может быть разная интерпретация его деятельности, но он дал если не закон, то порядок. И это тоже результат той самой нашей особенности. Сегодня нерациональная гипертрофированная неприязнь к Западу не приносит никаких особых плодов, потому что, отторгая себя от него, мы начинаем искать идеал в прошлом, и сегодня оно становится вдруг неоправданно прекрасным.

Еще один порок нашей ментальности – тотальное отсутствие договороспособности. Как и в 1917 году, в этом зале не было стремления найти точки соприкосновения различных политических сил, так и сегодня у нас экспертное сообщество носит абсолютно сектантский характер, экспертное сообщество фрагментировано. Культура диалога, культура компромисса, культура консенсуса практически на нуле. Отсюда совершенно естественна тоска по твердой, сильной руке, которая только и может решить проблемы развития страны.

И вот здесь таится большая угроза: если авторитаризм продолжается достаточно долго, то стабильность превращается в застой, что, собственно говоря, мы и наблюдаем сегодня. В общем, это, так сказать, константа российской истории. Автократия приносит какой-то порядок, проходит время – она надоедает, возникает

стремление к разного рода либеральной перестройке. А когда побеждает либеральная доктрина, в результате ее реализации страна впадает в очередной хаос, и тогда опять возникает тоска по сильной руке, и все начинается сначала.

Эту дурную бесконечность необходимо преодолеть. И здесь велика ответственность не только власти, но и общества. При этом найти выход можно только на основе объективной научной и общественно-научной дискуссии, обеспечив прозрачность и качество принятия решения, что возможно только через механизмы демократических институтов. Они недаром берут начало в народном самоуправлении, которое у нас находится в зачаточном состоянии. Даже образованные интеллигентные люди не проявляют должного интереса к тому, чтобы именно отсюда начать построение реальных, а не имитационных демократических институтов.

Россия сегодня находится (как, в сущности, и весь мир) на пороге принципиально новых изменений в материальном и социокультурном отношении. Полным ходом идет соревнование различных интеллектуальных площадок вокруг того, каковы должны быть адекватные ответы на вызов современности. В общем, мы вновь на перепутье и вновь, похоже, не знаем, куда бежать...

Люди всегда мечтали и будут мечтать о каком-то справедливом общественном устройстве, причем не только в утопии будущего, но и в практике прошлого. Мое знание истории говорит о том, что золотой век человечества если и был, то в 1950–1970-е годы. Именно тогда капитализм впервые почти приобрел человеческое лицо, почти утратил классовый характер и близко подошел к идеалу «государства всеобщего благоденствия». Во всяком случае, в США и в Европе средний класс (50–70% населения) стал доминирующей силой социума. Характерно, что в это же время в Советском Союзе был также создан средний класс, бедный, по западным стандартам, но все-таки очень продвинутый по сравнению с 20–30-ми годами. Именно тогда миллионы инженеров, учителей, ученых, высококвалифицированных рабочих действительно получили и реализовали шанс на нормальную человеческую жизнь.

Сегодня весь мир испытывает беспрецедентную неопределенность. Это не только и не столько появление Трампа (экзотического политического лидера, если не сказать, политического хулигана) и Brexit, сколько страх перед весьма тревожной аналогией с изоляционизмом и протекционизмом 30-х годов, когда каждая страна проводила политику «грабь соседа» под лозунгом «все продавать и ничего не покупать». В результате такой политики заметно снизилась деловая активность, увеличилась безработица и почти остановилась международная торговля.

Слава богу, в США и Европе есть еще влиятельные силы, которые в состоянии предотвратить гибель свободной торговли, но растет влияние и правых популистов, выступающих за зажиточную жизнь своего народа, но в основном за счет других. Урок, который надо извлечь из всего этого, очевиден. Надо попытаться избежать крайностей либерализма, национализма и административного регулирования. При

этом самое главное – решить проблему расширяющейся пропасти между кучкой богатых и массой бедных.

В общем, да здравствует средний класс. Сегодня на Западе он составляет 60% населения и численность его стремительно снижается. У нас 20%, и тоже стремительное уменьшение. Это, конечно, создает пугающую параллель с 1917 годом.

Но есть у нас и преимущество: мы точно знаем, что может произойти, если игнорировать общественно неприемлемое неравенство.

Джон Кеннеди стремился построить «великое общество», надо сказать, преуспел в этом благородном начинании и скорее всего стал его жертвой. И еще он точно подметил, что «если вы не допускаете мирную революцию, то получите насильственную». Другой перевод этой максимы на русский язык «не хотите Милюкова, получите Ленина».

Любая революция сама по себе плоха. Она почти всегда не оправдывает ожидания и почти всегда кровава. Чтобы предотвратить ее, нужно превентивно решать накапливающиеся в обществе проблемы, и здесь нет никакой альтернативы культуре взаимных уступок власти и оппозиции. В сущности, это и есть главный урок Великой русской революции.

Трудно оспорить, что сегодняшняя непрогнозируемость беспрецедентна. И, конечно, в таких условиях появился вакуум идеологических концепций.

Четверть века назад Френсис Фукуяма объявил человечеству, что история закончилась, поэтому надо закрепить эту ситуацию тремя принципами дальнейшего существования, следуя которым всем будет хорошо.

А принципы это такие.

Плуралистическая демократия, предполагающая не народовластие, а конкуренцию. Затем идут рыночная экономика и гражданское общество.

Всякая страна, взявшая на вооружение эту триаду, по этой теории ощутит счастье бытия, будь то Швеция или Кения.

Но теперь выяснилось, что это далеко не так. Прежде всего потому, что все рожденные кем-то идеи проходят или непременно должны пройти испытания.

Возьмем свободную торговлю. Ее преимущества были понятны всякому рыночно мыслящему человеку или обществу.

Но кто мог подумать, что настанут времена, когда за свободный рынок будет ратовать Китай, а возражать станут США! И этот парадокс – не моя выдумка.

Еще интереснее выглядит история с неравенством, которая через требование справедливости питает энергией левую идею.

Сразу внесу ясность: в моем понимании это коммунистическая справедливость предполагает все отнять и поделить.

Более разумные люди ратуют за приемлемое неравенство.

Понятно, что сразу возникает вопрос: кто устанавливает нормы этой приемлемости?

Так вот, приемлемое неравенство это то, которое в том или ином социуме не считается несправедливым.

Если, например, в Европе соотношение доходов богатых и бедных таково, что 10% богатых живут лучше в пять-семь раз, чем 10% бедных, то в США по этой же выборке разница уже в 10–12 раз.

В нашей же самой справедливой и гуманной стране разрыв в 15–16 раз не тревожит ни бедняков, ни богачей.

И если люди на этот счет не очень волнуются, значит, они такие пропорции принимают.

Как мы любим поговаривать: «Лишь бы не было войны».